

О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРИА- НОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ ПОТЕ- РЯННАГО РАЯ.

Долгое время Французы пренебрегали словесностию своихъ сосѣдей. Увѣренные въ своемъ превосходствѣ надъ всѣмъ человѣчествомъ, они цѣнили славныхъ писателей иностранныхъ по мѣрѣ ихъ большаго или меньшаго отдаленія отъ Французскихъ привычекъ и отъ правилъ установленныхъ Французскими критиками; переводя ихъ, они никогда не думали быть вѣрными своимъ подлинникамъ, напротивъ тщательно ихъ преобразовывали. Во Французскихъ переводахъ, изданныхъ въ прошломъ столѣтїи, нельзя прочесть ни одного предисловія, гдѣ бы не находилась неизбѣжная фраза: мы думали угодить публикѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ оказать услугу и нашему автору. И въ увѣренности что оказываетъ услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключалъ изъ книги мѣста, которыя могли бы оскорбить вкусъ образованнаго Французскаго читателя. Странно, когда подумаешь, кто, кого и передъ

къмъ извилямъ такимъ образомъ! И вотъ къ чему. всдесть невѣжественная страсть къ народности!.., Наконецъ критики спохватились. Стали подозрѣвать что гг. Летуэреры могли ошибочно судить о Шекспирѣ, и не совсѣмъ благоразумно поступили, переправляя на свой ладъ Гамлета, Ромео и Лира. Отъ переводчиковъ стали требовать болѣе вѣрности, а менѣ щекотливости и усердія къ публикѣ, пожелали видѣть Данте, Шекспира и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ, въ ихъ народной одеждѣ народныхъ недостатки. Даже мнѣніе, утвержденное вѣками и принятое всѣми, что переводчикъ долженъ стараться передавать духъ, а не букву, нашло противниковъ и искусныя опроверженія.

Нынѣ (примѣръ неслыханный!) первый изъ Французскихъ писателей переводитъ Мильтона *слово въ слово*, и объявляетъ, что подстрочный переводъ былъ бы верхомъ его искусства, еслибъ только оный былъ возможенъ! Такого смиреніе въ Французскомъ писателѣ, первомъ мастерѣ своего дѣла, должно было сильно изумить поборниковъ *исправительныхъ переводовъ*, и вѣроятно будетъ имѣть большое вліяніе на словесность.

Изо всѣхъ иноземныхъ писателей, Мильтонъ былъ всѣхъ несчастнѣе во Франціи. Не говоримъ о краскахъ переводовъ въ прозѣ, въ которыхъ онъ былъ безвинно оклеветанъ, не говоримъ о переводѣ въ стихахъ аббата Делиля, который ужасно поправилъ его грубыя недостатки и украсилъ его безъ мило-

сердїя; но какъ-же выводили его собственное лицо въ трагедїяхъ и въ романахъ писатели новѣйшей романической школы? Что сдѣлалъ изъ него г. Альбертъ де Виньи, котораго Французскіе критики безъ церемонїи поставили на одной доскѣ съ В. Скоттомъ? какъ поступилъ съ нимъ Викторъ Гюго, другой любимецъ Парижской публики? Можетъ быть, читатели забыли и «St. Mars» и «Кромвель», и потому не могутъ судить о нелѣпости вымысловъ Виктора Гюго; выведемъ того и другаго на судъ всякаго знающаго и благомыслящаго человѣка.

Начнемъ съ трагедїи одного изъ самыхъ нелѣпыхъ произведеній человѣка, впрочемъ одареннаго талантомъ:

Мы не станемъ слѣдовать за спотыкливимъ ходомъ этой драмы, скучной и чудовищной; мы хотимъ только показать нашимъ читателямъ въ какомъ видѣ въ ней представленъ Мильтонъ, еще неизвѣстный поэтъ, но политическій писатель, уже славный въ Европѣ своимъ горькимъ и заносчивымъ краснорѣчіемъ.

Кромвель во дворцѣ своемъ бесѣдуетъ съ лордомъ Рочестеромъ, переодѣтымъ въ методиста и съ четырьмя шутами; тутъ-же находится Мильтонъ съ своимъ вожатымъ (лицомъ довольно не нужнымъ, ибо Мильтонъ ослѣпъ уже гораздо послѣ). Протекторъ говоритъ Рочестеру:

«Такъ какъ мы теперь одни, то я хочу посмѣяться: представляю вамъ моихъ шутовъ. Когда мы находимся въ веселомъ духѣ, тогда они бываютъ очень забавны. Мы всѣ пишемъ стихи, даже и мой старый Мильтонъ.

Мильтонъ (*съ досадою*).

Старый Мильтонъ! Извините, милордъ, я девятью годами моложе васъ.

Кромвель.

Какъ угодно.

Мильтонъ.

Вы родились въ 99-мъ, а я въ 608-мъ.

Кромвель.

Какое свѣжее воспоминаніе!

Мильтонъ (*съ живостію*).

Вы бы могли обходиться со мною учтивѣе, я сынъ нотаріуса, городского альдермана.

Кромвель.

Ну не сердись: я знаю что ты великій еологъ, и даже хорошій стихотворецъ, хотя пониже Вайверса и Дона.

Мильтонъ (*говоря самъ про себя*).

Пониже! какъ это слово жестоко! Но погодимъ. Увидятъ, отказало-ли мнѣ небо въ своихъ дарахъ.

Потомство мнѣ судія. Оно пойметъ мою Евву, падающую въ адскую ночь, какъ сладкое сновидѣніе; Адама преступнаго и добраго, и неукротимаго духа, царствующаго также надъ одною вѣчностью, высокаго въ своемъ отчаяніи, глубокаго въ безуміи, исходящаго изъ огненнаго озера, которое бьетъ онъ огромнымъ своимъ крыломъ! ибо пламенный Геній во мнѣ работаетъ. Я обдумываю, *мола*, странное намбреніе. Я живу въ мысли моей, и ею Мильтонъ утѣшенъ. Такъ, я хочу въ свою очередь создать свой міръ между адомъ, землею и небомъ.

Лордъ Рочестеръ (*про себя.*)

Что онъ тамъ городить?

Одинъ изъ шотовъ.

Смѣшной мечтатель!

Кромвель (*пожимая плечами.*)

Твой «Иконокласть» очень хорошая книга, но твой чортъ Левіаѳанъ... (*смѣясь*) очень плохъ...

Мильтонъ (*сквозь зубы, съ негодованіемъ.*)

Кромвель смѣется надъ моимъ сатаною!

Рочестеръ (*подходитъ къ нему.*)

Г. Мильтонъ!

Мильтонъ (*не слыша его и обратясь къ Кромвелю.*)

Онъ это говоритъ изъ зависти.

Рочестеръ (*Мильтону, который слушаетъ его съ разстѣянностію*).

По чести, вы не понимаете поэзію. Вы умны, но у васъ не достаетъ вкуса. Послушайте: Французы учителя наши во всемя: изучайте Ракана, читайте его пастушескія стихотворенія. Пусть Аминта и Тирсисъ гуляютъ у васъ по лугамъ; пусть она ведетъ за собою барашка на голубой ленточкѣ; но Евва, Адамъ, адъ, огненное озеро! сатана голый, съ опаленными крыльями! Другое дѣло: если бы вы прикрыли щегольскимъ платьемъ; если бы вы дали ему огромный парикъ и шлемъ съ золотою шишкою, розовый камзолъ и мантию Флорентинскую, какъ недавновидѣль я во Французской оперѣ солнце въ праздничномъ кафтанѣ.

Мильтонъ (*удивленный*):

Это что за пустословіе?

Рочестеръ (*кусая губы*):

Опять я забылся! Я, сударь, шутилъ.

Мильтонъ.

Очень глупая шутка!»

Далѣ Мильтонъ утверждаетъ, что править государствомъ бездѣлица; то-ли дѣло писать Латинскіе стихи.

Спустя немного времени Мильтонъ бросается въ ноги Кромвелю, умоляя его не домогаться престо-

ла, на что протекторъ отвѣчаетъ: Мильтонъ государственный секретарь, ты шить, ты въ лирическомъ восторгѣ забылъ, кто я таковъ и проч.

Въ сценѣ, не имѣющей ни исторической истины, ни драматическаго правдоподобія, въ безмысленной пародіи церемоніала, наблюдаемаго при коронаціи Англійскихъ королей, Мильтонъ и одинъ изъ придворныхъ шутовъ играютъ главную роль. Мильтонъ проповѣдуетъ республику, шутъ подымаетъ перчатку королевскаго рыцаря. . .

Вотъ какимъ жалкимъ безумцемъ, какимъ пустомѣлей, выведенъ Мильтонъ человѣкомъ, который вѣроятно самъ не вѣдалъ, что творилъ, оскорбляя великую тѣнь! Въ теченіи всей трагедіи кромѣ насмѣшекъ и ругательства ничего инаго Мильтонъ не слышитъ; правда и то что, и самъ онъ, во все время, ни разу не вымолвить дѣльнаго слова. Это старый болтунъ, котораго всѣ презираютъ, и на котораго никто не обращаетъ никакого вниманія.

Нѣтъ, г. Гюго! не таковъ былъ Джонъ Мильтонъ, другъ и сподвижникъ Кромвеля, суровый фанатикъ; строгій творецъ «Иконокласта» и книги: «Depensio populi!» Не такимъ языкомъ изъяснялся бы съ Кромвелемъ тотъ, который написалъ ему свой славный пророческій советъ Cromwell, our chief etc.!

Не могъ быть посмѣшищемъ развратнаго Рочестера и придворныхъ шутокъ тотъ, кто въ злые дни жер-

тва злыхъ языковъ, въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранилъ непреклонность души и продиктовалъ «Потерянный Рай».

Если г. Гюго, будучи самъ поэтъ (хотя и второстепенный), такъ худо понималъ поэта Мильтона, то всякъ легко себѣ вообразить, что́ подъ его перомъ стало изъ лица Кромвеля, съ которымъ не имѣлъ онъ ужъ ровно никакого сочувствія! Но это не касается до нашего предмета. Отъ неровнаго, грубаго Викторá Гюго и его уродливыхъ драмъ, перейдемъ къ чопорному, манерному гр. Виньи и къ его облизанному роману.

Альфредъ де Виньи въ своемъ «Сен-Марсъ» также выводитъ передъ нами Мильтона, и вотъ въ какихъ обстоятельствахъ:

У славной Маріи де Лормъ, любовницы Кардинала Ришелье собирается общество придворныхъ и ученыхъ. Скюдери толкуетъ имъ свою аллегорическую карту любви; гости въ восхищеніи отъ крѣпости *Красоты*, стоящей на рѣкѣ *Гордости*, отъ деревни нѣжныхъ *Записокекъ*, отъ гавани *Равнодушія* и проч. и проч. Всѣ осыпаютъ г. Скюдери напыщенными похвалами, кромѣ Мольера, Корнеля и Декарта, которые тутъ же находятся. Вдругъ хозяйка представляетъ обществу молодого, путешествующаго Англичанина, по имени Джона Мильтона, и заставляетъ его читать гостямъ отрывки изъ «Потеряннаго Райа». Хорошо; да какъ же Французы, не зная Англійскаго

языка, поймутъ Мильтоновы стихи? Очень просто: мѣста, которыя онъ будетъ читать переведены на Французскій языкъ, переписаны на особыхъ листочкахъ и списки розданы гостямъ. Мильтонъ будетъ декламировать, а гости слѣдовать за нимъ. Да зачѣмъ же ему беспокоиться, если уже стихи переведены? Стало быть, Мильтонъ великій декламаторъ, или звуки Англійскаго языка чрезвычайно любопытны? а какое дѣло графу де Виньи до всѣхъ этихъ недѣльных несообразностей; ему надобно, чтобъ Мильтонъ читалъ въ Парижскомъ обществѣ свой «Потерянный Рай», и чтобъ Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта.

Мильтонъ не смотря на то, что назначенныя мѣста для чтенія переведены, и что онъ долженъ читать ихъ по порядку, ищетъ въ памяти своей то, что по его мнѣнію болѣе произведетъ дѣйствія на слушателей, не заботясь о томъ поймутъ-ли его или нѣтъ. Но посредствомъ какого. То чуда (неизъясненнаго г-мъ де Виньи) всѣ его понимаютъ. Де Барро находитъ его приторнымъ; Скюдери скучнымъ и холоднымъ; Марія де Лормъ очень тронута описаніемъ Адама въ первобытномъ его состояніи; Мольеръ, Корнель и Декартъ осыпаютъ его комплиментами и пр. и пр.

Или мы очень ошибаемся или Мильтонъ, проѣзжая черезъ Парижъ, не сталъ бы показывать себя, какъ заѣзжій фигляръ, и въ домъ непотребной женщины забавлять общество чтеніемъ стиховъ, писан-

ныхъ на языкѣ, неизвѣстномъ никому изъ присутствующихъ, жеманясь и рисуясь, то закрывая глаза, то взводя ихъ въ потолокъ. Разговоры его съ де Ту, съ Корнелемъ и Декартомъ не были-бъ пошлыми и изысканнымъ пустословіемъ; а въ обществѣ игралъ бы онъ роль ему приличную, скромную, роль благороднаго, хорошо воспитаннаго молодаго чловека.

Послѣ удивительныхъ вымысловъ Виктора Гюго и графа де Виньи, хотите ли видѣть картину, просто набросанную другимъ живописцемъ? Прочтите въ «Вудстокѣ» встрѣчу одного изъ дѣйствующихъ лицъ съ Мильтономъ въ кабинетѣ Кромвеля.

Французскій романистъ конечно не довольствовался бы такимъ незначачимъ и естественнымъ изображеніемъ. У него Мильтоноу, занятый государственными дѣлами, непременно терпѣлся бы въ пѣтическихъ мечтаніяхъ и на поляхъ какого нибудь отчета намаралъ бы нѣсколько стиховъ изъ «Потеряннаго Райа»; Кромвель бы это подмѣтилъ, разобралъ бы своего секретаря, назвалъ бы его стихоплетомъ, вралемъ и пр. и изъ того бы вышелъ эффектъ, о которомъ бѣдный Валтеръ Скоттъ и не подумалъ!

Переводъ, изданный Шатобріаномъ, заглаживаетъ до нѣкоторой степени презрѣніе молодыхъ Французскихъ писателей, такъ невинно, но такъ жестоко оскорбившихъ великую тѣнь. Мы сказали уже, что Шатобріанъ переводилъ Мильтона почти слово въ

слово, такъ близко, какъ только то могъ позволить синтаксисъ Французскаго языка: трудъ тяжелый и неблагодарный, незамѣтный для большинства читателей, и который можетъ быть оцѣненъ двумя; тремя знатоками. Но удаченъ ли новый переводъ? Шатобрианъ нашелъ въ Низарѣ критика неумолимаго. Низаръ въ статьѣ, исполненной тонкой смѣтливости, сильно напалъ и на способъ перевода, избранный Шатобрианомъ и на самый переводъ. Нѣтъ сомнѣнія, что стараясь передать Мильтона *слово въ слово*, Шатобрианъ однако не могъ соблюсти въ своемъ преложеніи вѣрности смысла и выраженія. Подстрочный переводъ никогда не можетъ быть вѣренъ. Каждый языкъ имѣетъ свои обороты, свои усвоенныя выраженія, которыя не могутъ быть переведены на другой языкъ соответствующими словами; возьмемъ первыя фразы: *comment vous portez vous; How do you do.* Попробуйте перевести ихъ слово въ слово на Русскій языкъ (*).

Если уже Русскій языкъ столь гибкій и мощный въ своихъ оборотахъ и средствахъ, столь переимчивый и общежительный въ своихъ отношеніяхъ къ чужимъ языкамъ, не способенъ къ переводу подстрочному, къ преложенію слова въ слово, то какимъ образомъ языкъ Французскій, столь осторожный въ своихъ привычкахъ, столь пристрастный

(*) Кстати: недавно (въ Телескопѣ, кажется) кто-то критикуя переводъ, хотѣлъ ввротлино блеснуть знаніемъ Итальянскаго языка и пѣнялъ переводчику, за чѣмъ оиъ пропустилъ въ своемъ переводѣ выраженіе *battarsi la quancia* бить себя по щекамъ. *Battarsi la quancia* значить раскаться; перевести иначе не имѣло бы никакого смысла.

къ своимъ преданіямъ, столь непріязненный къ языкамъ, даже ему единоплеменнымъ, выдержитъ такой опытъ, особенно въ борьбѣ съ языкомъ Мильтона, сего поэта, вмѣстѣ и изысканнаго и простодушнаго, и темнаго, и запутаннаго, и выразительнаго, и своенравнаго, и смѣлаго даже до безсмыслія?

Переводъ «Потеряннаго Рая» есть торговая спекуляція. Первый изъ современныхъ Французскихъ писателей, учитель всего пишущаго поколѣнія, бывшій нѣкогда первымъ министромъ, нѣсколько разъ посланникомъ, Шатобріанъ на старости лѣтъ перевелъ Мильтона *для куска хлѣба*. Каково бы ни было исполненіе труда, имъ предпринятаго, но самый сей трудъ и цѣль онаго дѣлаютъ честь знаменитому старцу. Шатобріанъ, который, поторговавшись немного съ самимъ собою, могъ бы спокойно пользоваться щедротами новаго правительства, властію, почестями и богатствомъ, предпочелъ имъ честную бѣдность и, уклонившись отъ палаты перовъ, гдѣ могущественно раздавался краснорѣчивый его голосъ, приходитъ въ книжную лавку съ продажной рукописью, но съ неподкупной совѣстію. Послѣ этого, что скажетъ критика? Станетъ ли она строгостію оцѣнки смущать благороднаго труженика и подобно скупому покупщику хулить его товаръ? Но Шатобріанъ не имѣетъ нужды въ снисхожденіи: къ своему переводу присокупилъ онъ два тома, столь же блестящіе, какъ и всѣ прежнія его произведенія, и критика можетъ оказаться строгою къ ихъ недостаткамъ столько, сколько ей будетъ угодно; несомнѣныя

красоты, страницы достойныя лучшихъ временъ великаго писателя, спасуть его книгу отъ пренебреженія читателей, не смотря на всѣ ея недостатки.

Англійскіе критики строго осудили «Опытъ объ Англійской литературѣ». Они нашли его слишкомъ поверхностнымъ, слишкомъ недостаточнымъ; повѣривъ заглавію, они отъ Шатобриана требовали ученой критики и совершеннаго знанія предметовъ, близко знакомыхъ имъ, самимъ; но совсѣмъ не того должно было искать въ семъ блестящемъ обзорѣ. Въ ученой критикѣ Шатобрианъ не твердъ, робокъ и самъ не свой; онъ говоритъ о писателяхъ, которыхъ не читалъ; судить о нихъ вскользь и по наслышкѣ, и кое-какъ отдѣльвается отъ скучной должности библіографа; но поминутно изъ-подъ пера его вылетаютъ вдохновенныя страницы; онъ поминутно забываетъ критическія изысканія, и на свободѣ развиваетъ свои мысли о великихъ историческихъ эпохахъ, которыя сближаетъ съ тѣми, коимъ самъ онъ былъ свидѣтель. Много искренности, много сердечнаго краснорѣчія, много простодушія (иногда дѣтскаго, но всегда привлекательнаго) въ сихъ отрывкахъ, чуждыхъ исторіи Англійской литературы, но составляющихъ главное, блистательное достоинство «Опыта».
